

Д.А. Функ

ТРАДИЦИОННАЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЧЕЛКАНЦЕВ

Целью публикации является представление в систематизированном виде некоторых новых материалов о традиционной антропонимической модели челканцев и о её трансформации в XX в. Эта работа рассматривается автором как часть обобщающего исследования роли различного рода "имён" в самоидентификациях челканцев.

Основой для написания данной заметки послужили главным образом два вида источников. Первый из них - "Посемейное статистическое описание инородцев Кондомо-Шелкальской волости" за 1889 год¹, где были приведены фамилии и имена всех глав семей, домохозяев. Второй - расспросные сведения, полученные мною во время поездок к челканцам Горной Шории и Северного Алтая в начале и конце 1980-х гг.². Помимо этого, были выявлены и проанализированы некоторые иные как опубликованные, так и архивные материалы (фольклорные материалы, словари, похозяйственные книги и др.), содержащие интересующую меня информацию.

* * *

Традиционно минимальным и основным звеном челканской антропонимической модели было собственное имя человека. Как правило, в быту, в своей семье, среди соседей по аилу/улусу имени было достаточно.

В настоящее время мне известно всего около 170 традиционных имен (из них женских лишь 30). Приводимый ниже список, разумеется, не исчерпывает всего антропонимического фонда у челканцев. Целенаправленная работа по записи генеалогий, поиск церковных метрических книг и т.п., вероятно, смогут существенно увеличить список. Собственно говоря, особых границ в такого рода списках в отношении тюркоязычных народов Южной Сибири не существует. Основными причинами этого являются то, что, 1) в принципе, именем могло стать практически любое существительное из данного языка и 2) имена близких умерших родственников как правило не давались новорожденным, что

способствовало малой повторяемости имен. Здесь, однако, важно не впасть в крайность. При всей расплывчатости границ традиционного именника следует подчеркнуть все же наличие неких констант в нем. Анализ списков имен челканцев и других тюркских народов³, в частности, народов Саяно-Алтая, свидетельствует о присутствии в них значительного пласта а) заимствованных монгольских, иранских и др. имен, б) имен в настоящее время неэтимологизируемых, а также в) собственно тюркских имен, не меняющихся и сохраняющихся во времени порой в течение 2-3 столетий. По видимому, эти традиционные антропонимические системы были не столь уж аморфными и непостоянными, как это может показаться при первом знакомстве с материалом.

Мужские имена	Баяк	Качияк (а)
А	Болгаш (а)	Каштыяк (а)
Адмат (а) ⁴	В	Каянак (а)
Адубай/Адыбай	Вонак (а)	Комнгööшь
Айдука (а)	Г	Кужул
Алекпей	Ганкеш (а)/Гонкеш (а)	Кузлек (а)/Кужлек (а)
Алыш (а)	Е	Кучеряп (а)
Анашка (а) (от ружьеска (а) Ананий?)	Едыжак (а)	Кучугешь
Аный	Елдош (а)	Кызык
Апый	Елес (а)	Кызыка
Арчындай	Енке (а)	Кыр-тьодо
Астам (а)	Ермош (а)	Л
Атмух	К	Ликоп
Аттач (а)	Казак	М
Ахмет	Казакан (а)	Майгор/Майкор
Аянчи	Казакоп	Мака
Б	Кайдак	Макрач (а)/
Бадай	Кайрыач (а)	Мокрач (а)
Байкечек	Калейсек	Макчирка (а)
Байлешь	Канай	Мамиток
Байрам/Байрым	Канис (а)	Манакон
Бакай (а)	Канык/Кынык	Машутка
Баксымай	Карий (а)	Момогажь (а)
Барай	Карылеп/Карилеп	Мукулдай
Башнак (а)	Кастыяк (а)/Костыяк (а)	Мушпак

Мырсай

Н

Нааду

Натрус (а)

Неначи (а)

О

Ойкичек

Орой (а)

П

Паган

Пайан (а)

Пайна

Пайтан

Палам (а)

Палнак (а)

Панка

Пасынке (а)

Пиконак (а)

Постой (а)

Потпой

Почек (а)

Прой (а)

Пустукай (а)

Пысынке (а)

Р

Руатей (?) (а)

С

Саадык

Садай

Сайка

Сакей

Сакеш

Самзарак (а)

Санай

Санан

Санап

Сандияк (а)

Сандра

Сангзар

Саней

Санпар (а)

Санче (а)

Саньке

Саразак

Сарысак

Сораз (а)

Сточек (а)

Строй(а)

Сыразак (а)

Т

Таджок

Такен

Такеш (а)

Такыр (а)

Талбак (а)

Тамка (а)

Тере

Тодок

Тодорак (а)

Тонгмыр

Точу (а)

Триньке

Туганак

Тузурак (а)

У

Уванак (а)

Уванька

Учубай (а)

Ч

Чабай

Чаванак (а)

Чагаш

Чебонак (а)

Чемок

Чулеп

Чын-тьодо

Ш

Шуйлеп

Э

Эликпей

Ю

Юна (а)

Я

Яича (?) (а)

Янка (а)

Яска

Женские имена

А

Агбанак

Айанак

Айбанак

Албанак

Аныйак

Аныс

К

Кандыкчы

Кара-кыс

Кешьней

Куйгачак

Күскей

М

Марок

Марыс

Можок

Н

Назыр (а)

О

Ойбонок

П

Паланчы

Палачак

С

Сапсанак

Суулак

Сынма

Т

Төжелдей

Төрөчөк	Тона (а)	Э
Тадай	Тостийак	Энечей (а)
Тельбеш	Тушка	
Техтен		

Насколько позволяют судить имеющиеся материалы, основные принципы имянаречения, выбора имени для новорожденного были у челканцев сходными с другими тюркскими саяно-алтайскими. Помимо названного выше принципа неиспользования имён близких умерших родственников для имянаречения новорожденных, это:

1) у детей в одной семье иногда были близкие по звучанию имена, например, Палачак, Паланчы, Палагей, Паланька и т.п.;

2) в именах могла “кодироваться” информация о времени, месте, обстоятельствах рождения ребенка. Например, Мултук - (букв. “ружье”) родившийся на праздник Крещения; Байрам - родившийся на праздник; Орой - поздний ребенок, последыш и т.п.;

3) имя могло быть дано и по каким-то отличительным чертам малыша, уже видимым родителям, или же просто в качестве пожелания “стать таким как ...”. К этой группе, по-видимому, можно отнести такие имена, как Арчындай - словно можжевельник; имя-пожелание стоять на земле столь же крепко, как можжевельник; Айанчы - пожелание повидать землю, много путешествовать; Астам - пожелание всегда иметь выгоду, прибыль; Кыр-тьодо - голенастый и др.;

4) женские имена были, как правило, более благозвучны. Для выбора имени не использовался пласт лексики, связанный с мужскими занятиями, промыслами, ремеслами и т.п., а также названия диких зверей.

Предварительный этимологический анализ имен позволяет выделить несколько групп, восходящих:

1) к названиям рыб, птиц и животных: *Кызык* телецкая сельдь, *Сынма* рябчик, *Кастый* < *кас* гусь;

2) к названиям растений: *Арчындай* < *арчын* можжевельник, *Паланчы* < *палан* калина, *Кандыкчы* < *кандык* кандык;

3) к названиям предметов быта: *Паган* - столб, *Тодорак* - чрессельничек, *Тере* - шкура, *Талбак* - шкура, используемая в

качестве подстилки, *Куйгачак* < *куйка* китайская пуговица, *Мултук* ружье;

4) к названиям частей тела: *Кыр-тьодо* большая голень, *Чын-тьодо* настоящая голень;

5) к названиям явлений природы, бытия вообще: *Самзарак* <др-тюркск. (?) *самзар* круговорот жизни;

6) к терминам из области социальной жизни, включая терминологию родства: *Палам*, *Палачак* < *пала* ребенок, *Сурас* незаконнорожденный;

7) к названиям родов и народов; в зависимости от мотивации мог быть использован и нечелканский геноним, например, *Комнгоёш* - название одного из тубаларских сеоков-родов; к этой группе, в принципе, могут быть отнесены и этноантропонимы типа *Казак*, *Казакан*, *Казакоп* (< *казак* русский);

8) к именам героев фольклорных, как правило эпических произведений, например, *Пайан* (в отличие от эпического сказания о Козюлке и Байан-Сылу, в приведенных материалах это имя мужское). Здесь же уместно указать на (в целом) принципиальное отличие этнографической и эпической антропонимии, которое иногда игнорируется в работах лингвистов⁵: эпические имена не только двусоставные (*Ак-Торгу*, *Каан-Кылыш* и т.п.; исключений здесь очень мало), но и, главное, за редчайшим исключением они не встречались в традиционном быту народа; говорить о том, что какое-то эпическое имя является челканским, шорским, телеутским или, например, хакасским, думается, не вполне корректно.

Такого рода распределение свидетельствует о большой близости именника челканцев к именникам других сибирских народов, в которых исследователями выявлены практически те же самые группы. Подтверждается и точка зрения о ведущей роли в антропонимической системе нарицательных терминов, связанных, как правило, с основными элементами этно-экосистемы⁶.

Несмотря на использование в большинстве возможных ситуаций общения собственного имени, его не всегда было достаточно. Ребенку или даже молодому парню или девушке при общении, например, со старым плохо видящим/слепым человеком, любому человеку при общении с кем-либо

незнакомым (но челканцем) помимо своего имени, надо было дополнительно сообщить о себе “я сын/дочь (внук/внучка) такого-то”, то есть нечто вроде отчества. В архивных материалах XVII в. мы, вероятнее всего, встретим именно такую, широко распространенную в это время в Сибири, двухкомпонентную антропонимическую систему “личное имя+отчество”. Иногда в качестве “определителя” служили уличные прозвища данной конкретной семьи, восходящие к имени чем-либо известного/необычного предка (первопредка).

В XX в. традиционные челканские имена почти полностью исчезли.

Начало этого процесса следует относить ко второй половине - концу XIX века, времени активного распространения православия и русской культуры у челканцев. В статистических материалах 1889 г. число домохозяев с русскими именами достигало примерно 1/3 (42 человека) от общего числа домохозяев, приписанных к Кондомо-Шелкальской волости. Среди 25 имен у этих 42 человек наиболее частыми были Иван (варианты Ваня, Ванька), Николай и Данило - по 4, Илья - 3, Строй, Павел, Апонас, Атаман (вариант Атман), Яков и Козьма - по 2. Остальные 15 имен встречались лишь по 1 разу: Савин, Апыян, Евтей, Назар, Сафрон, Михей, Варлам, Гришка, Гордей, Антип, Петр, Константин, Егор, Матвей, Алексей. На собственно челканской этнической территории процесс “обрусения” в данной сфере был не столь масштабен - здесь отмечено 29 русских имен; остальные 13 принадлежали жителям русифицированных районов Степного Алтая и низовьев р.Кондомы (сёла Макарьевское, Борбинское, Осиновское, Подкорчияк). Следует отметить, что часть заимствованных имен была адаптирована сообразно строю челканского языка и порой стала восприниматься как нечто свое, традиционное; *Анашка* - Ананий, *Мака* - Марк, *Сандра* - Александр, *Саньке* - Александр, *Аныс* - Анистья, *Марыс* - Мария и др.

Сто лет спустя, летом 1990 г., ситуация с традиционными и “русскими” именами выглядела уже следующим образом. В двух крупных практически моноэтнических челканских селах Курмач-Байгол (на 3-4.08.1990 г. чел. челканцев) и Суронаш (на 1.08.1990 г. 58 чел. челканцев) было отмечено всего по 13 традиционных отчеств и 1 мужское и 2 женских имени в первом

селе и 1 женское имя во втором. В Курмач-Байголе возраст обладателей отчеств, образованных от традиционных имен, колебался от 44 до 78 лет (1912-1946 гг. рождения)⁷, а в Сурунаше от 42 до 77 (1913-1948 гг. рождения). Лишь у трех женщин на два села оказались традиционные имена и отчества: Ойбонок Чулеповна (1912 г.р.), Аныс Байкечеконна (1926) и Марыс Каныковна (1932). Приведенные цифровые показатели позволяют достаточно уверенно говорить о том, что последние традиционные мужские имена были даны у челканцев, в основном, где-то в конце 1910-х - самом начале 1920-х годов. Это дало возможность еще на какое-то время сохранить у послевоенного поколения несколько традиционных отчеств, но и только. Традиция наречения детей собственно челканскими именами была прервана как минимум на 70 лет. В связи с этим, а также рядом иных экстраэтнических причин типа “укрупнения поселков” и проч. значительное число собственно этнографических и лингвистических проблем (например, о том, существовали ли локальные традиции именовании?) применительно к челканцам уже, видимо, невозможно рассмотреть.

Практически все челканские фамилии, известные по спискам XIX в. - Барбачаковы, Кандараковы, Крачнаковы, Курускановы, Менегечевы, Пустогачевы, Санжанаконны, Сарбадоковы, Сумачаковы, Экешевы - существуют и по сей день.

Фамилии, появившиеся у челканцев в XIX в., восходят, вероятно, к именам реальных исторических личностей. Однако, к сожалению, пока ни в архивных материалах, ни в устных генеалогиях мне не удалось обнаружить упоминаний о людях с именами Барбачак, Кандарак, Сумачак и т.п. В статматериалах 1889 г. есть лишь одна фамилия в усеченном варианте “Курускан Айдука”, свидетельствующая о принципиальной правильности предположения об образовании фамилий от имен.

Попутно хотелось бы обратить внимание на то, что сформулированная по челканским материалам проблема почти два десятилетия назад была выявлена прекрасным шорским лингвистом Э.Ф.Чиспияковым при структурном анализе шорских фамилий: “Загадкой остается тот факт, что среди перечисленных

В.Вербицким [имеются ввиду материалы середины - второй половины XIX века. - Д.Ф.] имен глав семей, старших в поселках, не встречаются имена, послужившие основой для образования современных шорских фамилий»⁸. Многое при решении данной проблемы зависит от степени полноты выявленного антропонимического материала. Именно массовые генеалогические материалы, подтверждаемые историческими документами, позволяющие проследить историю отдельных фамилий-семей до XVII и даже XVI веков, сняли таковую проблему при изучении телеутских и хакасских фамилий⁹. К сожалению, столь же полных материалов нет ни по шорцам, ни по челканцам. Сомнений же, что и у этих народов существовали идентичные принципы образования фамилий, нет. Что касается шорцев, то эта уверенность подтверждается моими собственными полевыми материалами. Для нескольких шорских фамилий мне все-таки удалось выявить имена исторических/легендарных предков, от которых были образованы эти фамилии (напр., Ошкачаковы - от предка по имени Оска, Чудояковы - Чутэк и др.). Остается надеяться, что такого рода информация еще может быть получена при целенаправленной работе с представителями старшего поколения этих народов.

Трудно сказать, насколько жизнеспособной окажется традиционная антропонимическая модель. Явно прослеживаемое в последние несколько лет стремление челканцев к самоопределению, осознанию своего места среди народов Алтая и в целом Южной Сибири, вполне вероятно, каким-то образом отразится на использовании традиционного именника. Каким именно образом и надолго ли, покажет время.

Примечания

Данный текст является исправленным и дополненным вариантом статьи автора: "Онимы в идентификациях челканцев (традиционная антропонимическая модель)", опубликованной ранее в сб.: Этнические стереотипы в меняющемся мире. М., 1998. С.89-96.

¹ Государственный архив Томской области. Ф.234. Оп.1. №135. Лл.387-397.

² Часть этих материалов вошла в следующие публикации: *Функ Д.А., Функ И.И.* О структуре сеока /рода/ у челканцев//Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и

антропологических исследований. 1988-1989 гг.: Тезисы докладов, Ч.2. Алма-Ата, 1990. С.77-79; *их же*, К вопросу о процессах трансформации родовой структуры у челканцев//Этническая история и культура народов Советской страны: Всесоюзная научная конференция молодых ученых: Тезисы докладов. Омск, 1991. С.30-33; *Функ Д.А.* Из материалов этнографической поездки к челканцам в августе 1990 г.// Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып.2. М., 1996. С.242-265; *его же*, Трансформация этнических идентификаций тюрков (аборигенов) юга Западной Сибири//Идентичность и конфликт в постсоветских государствах. М., 1997. С.400-417.

³ Ойротско-русский словарь. Сост. Н.А.Баскаков и Т.М.Тошаква. М., 1947. С.207-214; *Функ Д.А.* Материалы к своду антропонимов бачатских телеутов//Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этногр. и антропол. исслед. 1988-1989 гг.: Тезисы докладов, Ч.2. Алма-Ата, 1990. С.38-39; *его же*, Бачатские телеуты в XVIII - первой четверти XX века: историко-этнографическое исследование. М., 1993. С.299-300; *Бутанаев В.Я.* Хоорай аттары/Личные имена хакасов. Б.м., б.г., 108 с.; Телеут-орус сөзлик. Телеутско-русский словарь/Сост. Л.Т.Рюмина-Сыркашева и Н.А.Кучигашева. Кемерово, 1995. С.111-114, и др.

⁴ Пометка (а) означает, что данное имя встретилось мне лишь в архивных материалах.

⁵ См., например, заметку Н.Курпешко "Шорские имена", в которой и в списке имен и в предварительном анализе их в качестве "шорских" даются как собственно шорские имена, так и имена эпических персонажей из шорских сказаний (Литературный Кузбасс, 1990, №4. С.32-34), что отнюдь не одно и то же. Подробный анализ эпической антропонимии в шорских богатырских сказаниях (в моей картотеке зарегистрированы несколько сот эпических антропонимов) будет представлен в готовящейся мною к изданию монографии о шорском эпосе.

⁶ См., например: *Терещенко Н.М.* Собственные имена людей у ненцев//Вопросы финно-угорского языкознания. Вып.3. М., 1966; *Соколова З.П.* О происхождении обско-угорских имен и фамилий//Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970; *Малиновская С.М.* Древнеселькупская антропонимия//Имя и этнос. М., 1996. С.99-103; и др.

⁷ Исключение составляет 1 женщина 1959 г. рожд., дочь единственного в тот год мужчины на два села, носившего традиционное (?; во всяком случае, нехристианское) имя Калейсек.

⁸ Чиспьяков Э.Ф. О структуре шорских фамилий//Языки и топонимия. Вып.6. Томск., 1978. С.157-165.

⁹ О корреляции такого рода в отношении телеутов и хакасов см., напр.: Функ Д.А. Материалы к своду антропонимов ... ; Бутанаев В.Я. Хоорай аттары ...; его же, Этническая история хакасов XVII-XIX вв. М., 1990. С.83-92.